

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

ВВЕДЕНИЕ. РАДИ ЧЕГО СТОИТ ЖИТЬ.
И ЧТО ЭТО ПОЗВОЛЯЕТ НАМ ЗАБЫТЬ

1. Ради чего стоит жить 15
2. Что это позволяет нам забыть 34

ЧАСТЬ I. МОТИВЫ И УЛОВКИ БОЯЗНИ
СЧАСТЬЯ

3. Блеск и нищета: о роли порнографической попсы
в чопорной культуре 63
4. Порядок появления: комедия материализма 75
5. Всегда ли неудачники терпят неудачу?
О недостатках постмодернистской романтики:
менталитет проигравших, отказ от трофеев,
скрытая обида 104

ЧАСТЬ II. ЗАВИСТЬ. СТРУКТУРА
ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПОРОКА

6. Что можно изменить. Стоики и материализм 127
7. О зависти 137
8. Уроки зависти 159

ЧАСТЬ III. ТРИУМФЫ ПАРАНОЙЯЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ

9. Суеверие, вера, паранойя. Формы
воображения и их функция при неприятии
жизни 181

10. Разумное обращение с разумом:
рациональность раздвоения 201

11. Идентичность, идеалы, роли и ловкость 219

ЧАСТЬ IV. ЖИЗНЬ КАК ТРАТА

12. Весенняя скверна: о жизни как даре
и обязательстве возврата. Монолог 231

13. Искусство и любовь, дар и яд 237

14. Революеры для излишков.

Об антиэкономике и антиискусстве 256

15. Темная сторона правил поведения
за столом 281

ЧАСТЬ V. ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЖИЗНИ

16. Работа или игра: ради чего мы живем?
Жорж Батай читает Йохана Хейзингу 299

17. Наслаждение, философия и низкое 336

Библиография 363

Мы большие шуты! Мы говорим: «Он провел свою жизнь в праздности, а сегодня я ничего не делаю». Как так? Неужели мы не жили? Это не только наша главная, но и самая благородная деятельность.

Монтень (Montaigne 1996: 113)

Помни, что высший позор — предпочесть бесчестие смерти

И ради жизни сгубить самое основание жизни.

Ювенал (Juvenal 2009: 164; Ювенал 1994: 88)

ПРЕДИСЛОВИЕ

КОГДА на первый план в современной культуре выходят такие ценности, как безопасность, здоровье, эффективность затрат или так называемое европейское пространство высшего образования, то нередко оказывается, что другие жизненные реалии, как, например, гражданские права, социальное обеспечение, удовлетворение, достоинство, элегантность и интеллектуальность, приносятся в жертву решительно и без какого-либо обсуждения.

В условиях контроля ни в чем не повинные люди рассматриваются как преступники. В аэропортах их заставляют разуваться и вытаскивать ремни. Правительства запрещают нам курить, словно мы несовершеннолетние дети. Курить запрещается даже на улицах, а на пачках сигарет вместо обычных рисунков можно печатать только предупреждения с пугающими изображениями рака легких. Европейские университеты превращаются в репрессивные школы, базирующиеся только на принципах принуждения и контроля, из-за чего уничтожаются мотивация и интерес. Ни о каких поисках и свободном обмене мнениями речь уже

не идет, и университеты утрачивают роль критика общественных проблем. Разве не удивительно, со сколькими вещами мы уже смирились? Мы позволяем обращаться с собой, как с детьми, хотя сами всегда энергично протестуем против авторитарного подхода к воспитанию детей.

Хотя признавать это не слишком приятно, в сложившейся ситуации есть доля нашей вины. Мы думаем, что любим удовольствие, но сразу же требуем запретов и зовем полицию, когда что-то не соответствует нашим мещанским представлениям. Наш политический отказ от того, что мы можем получить от жизни, в конечном счете является следствием нашей эстетической слабости, нашей неспособности создать и определить условия, при которых можно получать удовольствие от таких «непристойных вещей», как праздничные застолья, табак, алкоголь, секс, черный юмор, досужие размышления.

При этом оказалось, что самая богатая часть жителей Земли забыла о том, ради чего стоит жить. Сама неспособность поставить этот вопрос служит важной чертой нашей эпохи; главным симптомом болезни. В своей книге я не просто попытаюсь предложить ответы на этот вопрос. Я также хочу выяснить, что особенного в этом вопросе, что будет, если им не задаваться, и почему им перестали задаваться сейчас.

Решительное стремление взять от жизни то, что она может предложить, представляет собой типичный жест вполне определенной философии: материализма. Но если ухватить мир не удастся, то это потому — как единодушно заявляли все философы-материалисты, — что человек сам полностью находится во власти своего воображения. Материализм, таким образом, представляет собой теорию воображения и — как при занятиях борьбой (например, дзюдо) — упражнение в использовании подходящих приемов, позволяющих вырваться из-под власти воображения. Такая теория и некоторые ее приемы будут использованы при рассмотрении главных фантазий современности.

Главная польза от такой материалистической гимнастики состоит в том, что она помогает приобрести спокойную, но не праздную рассудительность, которая не дает делать все, к чему призывают новые паникеры.

Эта книга была написана отчасти в рамках моей научной и преподавательской деятельности в университете, а отчасти в рамках исследовательского проекта, финансируемого Венским научно-исследовательским и технологическим фондом WWTF, «Переносы. Психоанализ — Культура — Общество» исследовательской группы «stuzzicadenti», занимавшейся проблемами психоанализа. Поэтому я выражаю благодарность студентам и преподавателям Венского университета прикладных искусств,

Университета искусств в Линце, Венского технического университета, Высшей художественной школы в Осло (КНЮ), Академии Ритвельда в Амстердаме, Высшей школы изящных искусств в Тулузе, а также Института искусств в Линце за замечания, предложения и участие в обсуждениях; а также благодарю членов группы «stuzzicadenti», Георга Греллера, Мону Хан, Юдит Кюрмайр, Ульрику Кади, Сюзии Кирш, Еву Лакиз-Ванек и Карла Штокрайтера за многолетние и интенсивные междисциплинарные дискуссии. За ценные указания, критику и поддержку я благодарю, кроме того, Дитера Бандхауэра, Младена Долара, Конни Хаббель, Марлен Хадерер, Карла Хегеманна, Томаса Хюбеля, Урсулу Хюбнер, Еву Кадлец, Изо Медера, Петера Мешля, Урса Рихли, Аугуста Руса, Йозефа Шакеда, Эрнста Штроухаля, Малу Тильгс, Кристиану Фосс, Герхарда Ценати, Славоя Жижека и Аленку Зупанчич.

ВВЕДЕНИЕ

РАДИ ЧЕГО СТОИТ ЖИТЬ
И ЧТО ЭТО ПОЗВОЛЯЕТ
НАМ ЗАБЫТЬ

1. РАДИ ЧЕГО СТОИТ ЖИТЬ

1

В ЗАПАДНОЙ культуре примерно в середине 1990-х годов произошло то, что, используя термин Карла Маркса, можно назвать сменой «освещения»*. Как в театре, когда одни и те же предметы на сцене начинают казаться чуждыми и угрожающими в новом свете, так и в культуре такие обыденные вещи, как употребление спиртного и мяса, курение, черный юмор, сексуальность, которые прежде казались гламурными, элегантными и доставляющими наслаждение, внезапно начинают казаться отвратительными, опасными или политически сомнительными. Такая внезапная перемена напоминает о превращениях любви, когда в один момент чувства могут смениться на противоположные, из-за чего вчерашний возлюбленный становится вам ненавистен — причем это воспринимается как само собой разумеющееся: *абсолютно ясно*, что этого человека можно только ненавидеть; так же как вчера было *абсолютно ясно*, что его можно только любить.

* См.: Marx [1857]: 637; Маркс 1968: 43.

Как и в любви, в культуре при смене освещения те же самые качества, которые раньше были причиной любви, теперь становятся причиной ненависти. Совсем недавно любимый человек прекрасно тебя понимал, а теперь он вдруг превратился в невыносимого «собственника»; или совсем недавно он был ответственным и самостоятельным, а теперь стал ужасно легкомысленным, был зрелым и внезапно превратился в инфантильного. Такая перемена чувств происходит не из-за того, что были открыты новые, прежде неизвестные качества любимого человека. Речь не идет о том, что вы сначала были восхищены мудростью человека, а потом поняли, что он, например, не в состоянии быть пунктуальным. Речь идет о перемене чувств, изменении отношения: качества, сначала воспринимавшиеся как достоинства, становятся вдруг невыносимыми. Человек, который раньше считался умным, теперь кажется заносчивым «всезнайкой», и внезапно это становится омерзительным*.

То же самое относится и к обыденным вещам, которые сначала вызывали уважение, а затем были объявлены вне закона, с ними произошел

* Славой Жижек сформулировал этот механизм «смены освещения» в любви следующим образом: «Любовь означает, что вы принимаете человека со всеми его недостатками, глупостями и непривлекательными чертами... и, несмотря ни на что, этот человек идеально вам подходит... и ради этого стоит жить... даже в изъёме вы находите совершенство»; ср.: <http://www.youtube.com/watch?v=U3x5X67OWj8>.

такой же переход от любви к ненависти. Ведь курение внезапно было объявлено недопустимым не из-за осознания того, что курение вовсе не является невинным удовольствием, а представляет опасность для здоровья. Как очень точно заметил Ричард Клайн в своей прекрасной книге «Сигареты — это возвышенное», мы не просто всегда знали, что курить вредно; более того, если бы мы этого не знали, то никогда бы и не взяли сигарету в руки, потому что «вред — это как раз то, что делает сигарету такой возвышенной»*.

2

Главным в этом предложении является слово «возвышенный» («sublime»). Клайн дал нам ключ к пониманию того, почему многие вещи были сначала любимыми, а затем стали ненавистными. Всегда существует какое-то отрицательное качество — так, в случае с сигаретами это вред здоровью, — которое одновременно (при другом освещении) является привлекательным. Здесь, как и в любви, смена освещения не сообщает ничего нового о таком отрицательном качестве, оно только меняет его оценку или его эмоциональное восприятие.

Это соответствует учению о «возвышенном» таких философов, как Эдмунд Бёрк и

* Klein 1995: 279.

Иммануил Кант. Возвышенное очаровывает тем, что оно всегда обладает таким качеством, которое в другом свете окажется отрицательным. И при определенных условиях или, соответственно, освещении именно отрицательные качества вызывают необычайное удовольствие: они, по словам Канта, вызывают удовлетворение, причем удовлетворение, возникающее «в силу своего противодействия интересу [внешних] чувств»*.

3

Не будет большим преувеличением сказать, что нам давно известно о таком виде удовольствий, источником которых служит что-то дурное. Более того, *они и есть все то, ради чего стоит жить*. Без безумия любви, которое позволяет нам боготворить неприятные черты любимого человека; без непристойностей и цинизма сексуальности; без безрассудного веселья, широты души, расточительности, наших подарков, праздников, веселья и эйфории наша жизнь была бы банальной чередой событий и — в лучшем случае — тупым удовлетворением потребностей; предсказуемым, бездушным занятием без кульминационных моментов, больше похожим на смерть, чем на что-то, что заслуживает того, чтобы называться жизнью.

* Kant [1790]: 193; Кант 2001: 311.

Одновременно можно сказать, что только такие удовольствия, в основе которых лежит нечто дурное, могут быть названы культурными удовольствиями, а все простые удовольствия, в основе которых нет никаких отрицательных элементов (например, радоваться свету, теплу, воде, покою), восходят к нашей животной натуре.

4

Смена освещения в культуре, которое превратило наши любимые наслаждения в соблазны, означает, ни много ни мало, что мы за короткое время разучились ценить и отдавать должное тому, ради чего стоит жить. Хуже того, похоже, мы разучились даже задаваться таким вопросом. Вместо того чтобы спросить себя, ради чего мы живем, мы заботимся только о том, как нам прожить подольше, в соответствии с такими ставшими совершенно бесспорными принципами, как здоровье, безопасность, постоянство и — прежде всего — эффективность затрат. Это не просто глупость: Эпикур утверждал, что мудрый человек никогда не выберет самый большой хлеб, он выберет самый сладкий*. Напротив, мы совершаем то, что в глазах римского сатирика и философа-стоика Ювенала было самым большим грехом. Он писал:

* Epikur 1995: 52 и далее.

«Помни, что высший позор — предпочесть бесчестье смерти / И ради жизни сгубить самое основание жизни»*.

5

Выбор слов Ювенала, который обусловлен его религиозностью, а именно использование слова «высший позор», или «святотатство» (*nefas*), на первый взгляд, может показаться удивительным. Но в теоретическом отношении он оказывается очень точным и прозорливым. Ведь так можно объяснить, почему в одни периоды истории дурное может казаться возвышенным, а в другое время оно просто считается крайне дурным.

То, что во многих культурах воспринимается как что-то противоречивое — иногда как грандиозное и величественное, иногда как омерзительное и нечистое, — и является святым. Лингвист Эмиль Бенвенист показал, что в большинстве индогерманских языков для этого существуют даже два различных слова (например, в латинском «*sanctus*» и «*sacer*», в древнегреческом «*hosios*» и «*hagios*», во французском «*sacré*» и «*saint*», в английском «*sacred*» и «*saint*» и т. д.**). Примечательно, что оба

* *Summum crede nefas animam praeferre pudori / et propter vitam vivendi perdere causas* (Juvenal 2007: 91; Ювенал 1994: 88).

** Benveniste 1969, II: 188 и далее; Бенвенист 1995: 349 и да-

этих слова обозначают не два различных класса предметов, а, скорее, два различных «освещения» одного и того же предмета. В связи с этим социолог религии Эмиль Дюркгейм отмечал:

Существует два типа священного, благоприятное и неблагоприятное, и между этими противоположными формами не только нет разрыва, но один и тот же объект может переходить из одного типа в другой, не меняя своей природы. Именно в возможности этих трансформаций и заключается двойственность священного*.

В сегодняшней повседневной культуре такая противоречивость проявляется даже на уровне внешне простых вещей. Бокал пива, который я вечером выпью в компании с друзьями, кажется мне настоящим наслаждением и доказательством того, что жизнь стоит того, чтобы ее прожить. Но на следующее утро пиво, предложенное на завтрак, может быть мне противно; вероятно, я не захочу даже слышать само слово «пиво».

Именно поэтому теоретики вроде Мишеля Лейриса и Жоржа Батая считали такие практики, как распитие пива с друзьями или эротические ритуалы между влюбленными, формами «сакрального в повседневной жизни»

лее; Assmann 2000: 154; Lipowatz 2005: 21 и далее.

* Durkheim 1994: 551; Дюркгейм 2018: 671–672.

(«sacré quotidien»)*. Эти практики заслуживают такого названия потому, что они столь же противоречивы, как и объекты и практики институционализированных религий; а еще потому, что они, как и религиозные ритуалы, используются людьми, чтобы прервать будничную действительность. Сигарета, ради которой коллеги выходят на улицу во время перерыва, или кофе, за которым вы договорились встретиться со знакомым после обеда, пробивают брешь в монотонности и торопливости рабочих будней. Они придают людям определенный лоск — достоинство, которое, очевидно, не связано с будничной работой ради заработка**. Кофе, сигареты и другие вещи наделяют достоинством собравшихся вокруг них людей. Потому что благодаря этим вещам у нас появляются свободные моменты, когда собравшиеся могут осознать, что они живут. Тем самым они оказываются людьми, которые знают, как надо жить, и людьми, которые знают, почему они это делают с удовольствием. Наконец, — и это тоже очень важно — они показывают наличие чувства юмора, потому что нужно быть способным смеяться над собой, чтобы понять, насколько незначительными и маловажными могут казаться причины, из-за чего стоит жить.

* Leiris [1938]; Лейрис 2004; ср. Bataille 1986: 248 и далее; Батай 2006: 677 и далее.

** См. гл. 16 ниже о Батае и Хёйзинге.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru